

Т.Н. КУРБАТОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ЭМИЛИ ДИКИНСОН О ДВУСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Обладая определенной структурой, обобщенный художественный образ может включать в себя разнообразные взаимосвязанные представления о фактах действительности, являющиеся результатом их творческого осмысления автором художественного произведения. Особое отношение автора к миру и умение по-новому взглянуть на его реалии и обстоятельства воплощаются в индивидуальной художественной образности. В работах, посвященных особенностям поэтики Э. Дикинсон, отмечается, что в ее образности, в которой трансформировались мировоззренческие представления поэтессы, сочетаются несовместимые понятия, порождающие новый смысл. Именно в контрасте проявляется всеохватывающий принцип художественного мышления романтиков.

Тема смерти в творчестве Э. Дикинсон занимает особое место. Смерть предстает в различных обликах, однако она настолько органична в стихах, что, в общем, она не несет с собой ни зловещих, ни отчаянных тонов, она естественна, как сама жизнь. Образы смерти, представленные в поэзии Дикинсон, отличаются многоплановостью и неординарной трактовкой естественных процессов. Поэтесса несколько не категорична в своих метафорических определениях. Об этом говорят многочисленные риторические вопросы, направленные, прежде всего, к себе самой, но вовлекающие в размышления и читателей. При этом Дикинсон представляет смерть как в рамках традиционных образов, так и образов, характерных только для ее творческого стиля, ее своеобразного видения мира. Они перекликаются со всеми гранями земной жизни человека, с существованием вечной жизни и высшей силы. Дикинсон считает многогранным явлением не только жизнь, но и смерть. Жизнь и смерть в ее творчестве – разные стороны единого бытия.

Анализ около девяноста стихотворений, в которых встречаются разнообразные образы смерти, показывает, что, опираясь на существующую мифопоэтическую традицию трактовки смерти, Дикинсон стремится передать миру свое понимание вечной тайны жизни и смерти. Все многообразие представлений автора о переходе человека в новое состояние нам представляется возможным сгруппировать в восемь обобщенных образов, которые характеризуются внутренней диверсификацией и объединяют ряд взаимосвязанных образов: смерть – состояние природы, смерть – сон, смерть – путь, смерть – пристанище,

смерть – вечность, смерть – личность, смерть – наблюдение, смерть – личностное эмоциональное переживание.

Некоторые из перечисленных образов явно свидетельствуют, что смерть не всегда представляет собой прекращение физического существования. Как ни парадоксально, в творчестве Дикинсон понятие смерти включает в себе определенный образ жизни: отречение, жертву и страдания («*renunciation, sacrifice, and suffering*») [1, с. 230]. Смерть – самая настоящая реальность, она служит проводником к бессмертию, в которое так верила поэтесса. Смерть может быть ключом к самопознанию. Как пишет Р. Флик, Эмили Дикинсон «слышала восхитительное слово «смерть» в тихом падении снега, поступи свинцовых сапог и сотне других звуков природы и домашнего быта» (перевод наш – Т.К.) [1, с. 237].

В стихах поэтессы прослеживается двусмысленность жизни и смерти: «*A Death blow is a Life blow to Some/ Who till they died, did not alive become – / Who had they lived, had died but when/ They died, Vitality begun*» (816) (нумерация стихотворений приводится по [2]). Спасение – это не защита от мук души в аду, это избавление от страха перед смертью, так как смерть – начало пути («*dark prelude*»), который ведет к воссоединению с Богом: «*The Province of the Saved/ Should be the Art – To save –/ Through Skill obtained in Themselves –/ The Science of the Grave*» (539). Все страдания, пережитые на земле, и сама смерть уступают перед тем, что ждет за их пределами.

Большое количество образов группы смерти проявляется в мире природы, т. е. природа как воплощение всего живого реагирует на присутствие смерти. Так, в стихотворении 18 образ смерти и элементы природы настолько тесно соединены, что создают неделимую, целостную картину. Человеческий мир и мир природы представлены поэтессой как единое целое: «*It was a short procession,/ The Bobolink was there –/ An aged Bee addressed us –/ And then we knelt in prayer –*». Похожий мотив звучит и в другом стихотворении: «*I haven't told my garden yet –/ Lest that should conquer me./ I haven't quite the strength now/ To break it to the Bee –/ I will not name it in the street/ For shops would stare at me –/ That one so shy – so ignorant/ Should have the face to die*» (50). Лирическая героиня боится сказать окружающему миру о своей смерти, он не должен об этом знать. Поэтесса говорит о том, что природа ей безмерно дорога и прощание с ней так же невыносимо, как прощание с близкими людьми. Она убеждена, что человеческая и природная сущности взаимосвязаны и взаимообусловлены, а физическая смерть прерывает гармоничность такого существования, но не само существование.

Дикинсон наделяет леса, склоны холмов, пчел человеческими качествами. Поэтесса изображает смерть порывом ветра («*They dropped*

like Flakes –/ They dropped like Stars –/ Like Petals from a Rose –/ When suddenly across the June/ A wind with fingers – goes –») (409), монотонностью, медлительностью и неизбежностью каждого движения в разное время суток, ясной погодой после шторма. Смерть предстает в образе птиц, возвращающихся домой: «*Let down the Bars, Oh Death –/ The tired Flocks come in/ Whose bleating ceases to repeat/ Whose wandering is done –»* (1065), «*While simple-hearted neighbors/ Chat of the “Early dead” –/ We – prone to periphrasis,/ Remark that Birds have fled!»* (45).

Смерть также представлена как завершающий этап в непрерывном цикле жизни, как закат на исходе дня: «*Look back on Time, with kindly eyes – / He doubtless did his best –/ How softly sinks that trembling sun/ In Human Nature’s West»* (1478). Образ смерти подобного рода можно найти еще в одном стихотворении: «*In the peaceful west/ Many the sails at rest –/ The anchors fast –/ Thither I pilot thee –/ Land Ho! Eternity! / Ashore at last!»* (4). Дикинсон использовала метафоры, отображая грань, за которой располагалась смерть и нечто мистическое, что следовало за ней: «*But nature is a stranger yet;/ The ones that cite her most/ Have never passed her haunted house,/ Nor simplified her ghost»* (1400).

Образ смерти часто ассоциируется с зимним пейзажем, снегом. Например, «*Dying! Dying in the night! / Won’t somebody bring the light/ So I can see which way to go/ Into the everlasting snow?»* (158), «*This is the Hour of Lead –/ Remembered, if outlived,/ As Freezing persons, recollect the Snow –/ First – Chill – then Stupor – then the letting go –»* (341).

Все проиллюстрированные образы позволяют почувствовать, насколько близко поэтесса ощущала естественные природные явления, и одновременное ощущение естественности смерти избавляло ее от всякого страха ухода из жизни. В конце одного из стихотворений, где описывается окончание летнего дня, лирическая героиня признается: «*Tis Dying – I am doing – but / I’m not afraid to know –* (692). Стремление рассматривать вопросы жизни и смерти в тесной связи отражает попытки Дикинсон найти определенный баланс между понятиями веры и религии и рационалистическими принципами познания окружающего мира. В этом ее творческие искания были во многом обусловлены общественными устоями и религиозными канонами Новой Англии XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Flick, R.G. Emily Dickinson: Mystic and skeptic : a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy : April 22, 1967 / R.G. Flick. – Florida, 1967. – 379 p.
2. The complete poems of Emily Dickinson / Ed. by Th.H. Johnson. – London : Faber and Faber, 1975. – 770 p.